

Наталья Колосова

ВАРВАРИН КРЕСТ

Рассказы

Наталья Колосова

Варварин крест

«Издательские решения»

Колосова Н.

Варварин крест / Н. Колосова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743689-6

Книга рассказов Натальи Колосовой — это призыв найти свое подлинное место в жизни, порой вымученное трагедией и болью столкновения со злом, это опыт заглянуть, прежде всего, в собственную душу, чтобы увидеть в ней Божественный свет. Нужна ли сегодня такая книга читателю, кстати, далеко не обязательно «православному» и «воцерковленному»? Судить ему самому. А суд читателя для автора (конечно, помимо Суда Божия) превыше всего.

ISBN 978-5-44-743689-6

© Колосова Н.
© Издательские решения

Содержание

За гранью	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Варварин крест
Рассказы
Наталья Колосова

© Наталья Колосова, 2016

© Елизавета Третьякова, иллюстрации, 2016

Редактор Эмира Травина

Корректор Эмира Травина

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

За гранью

Эту историю рассказал мне мой дед. Я даже и полагать тогда не мог, что в жизни могут происходить такие завертоны судьбы – давно запрограммированные, как оказалось. И эти завертоны приводят к неизбежному, которое мы или принимаем, или отпихиваемся от него всеми четырьмя точками опоры. Начнём.

...Мне тогда было лет девять. У моего деда был заветный ларчик, к которому он не допускал никого. Дед хранил его в письменном столе в ящике под замком. Ключ всегда находился у деда. Что было в том ларчике – никто не знал, кроме него самого. А мне представлялось, что там какая-то страшная дедовская тайна, или сокровища морских пиратов, ну или, на худой конец, карта, в которой указывалось, где спрятаны сокровища.

И вот фортуна сверкнула мне розой ветров. Дед что-то писал, сидя за столом, я возился рядом с новоподаренной отцом игрушкой. Раздался звонок в дверь.

– Маша, открой! – сказал дед моей маме.

Через несколько минут в комнату вошёл человек. Дед встал, пожал ему руку и вышел с ним из комнаты, забыв запереть ящик стола. Заветный ларчик тут же был извлечён мной из недр тайны на свет божий.

Содержимое ларца дало мне возможность почувствовать себя кладоискателем – я пискнул от восторга! Потрёпанная карта, рисованная от руки, была испещрена тонкими голубыми неровными линиями, жирными точками, возле которых было что-то мелко написано, и цифрами, обведёнными красными кругами.

Здесь же был ещё один странный, но интересный предмет, напоминающий знак плюс, только одна его палочка была длиннее другой; по краям он весь был украшен вырезанными узорами, а середина его была гладкой и ровной. Из чего он сделан, для меня было непонятно: это было не дерево и не металл.

И последним предметом оказалась грязная, затёртая, пожелтевшая тетрадь. На первом листе было написано: «Адэский¹ Жора. МАГЛАГ».

В момент, когда я впивался глазищами то в карту, то в тетрадь, при этом держа в руке этот странный «знак плюс», моё ухо было захвачено в плен пиратскими костлявыми пальцами деда.

– Уй-уй-уй! – заскулил я, пойманный на месте преступления.

– Ах ты ж, стервец, это ж кто тебе позволил шарить у меня в столе?!

– Никто, деда, я сам!

– Ах, сам, говоришь! Где ключ взял?

– Какой ключ?

– Не, ну ты поглянь на этого пострельша! «Какой ключ» – от стола!

– Нет у меня никакого ключа, ты сам стол не закрыл! – скулил я жалобно.

– А ты, значит, и момента не упустил, да?

– Ну так ведь интересно же, деда!

– Не, ну ты глянь, прям я в молодости! – хватка дедовых клешней-пальцев ослабла, и голос помягчел.

– Давай, слаживай всё на место и дуй в угол!

В ларец вернулась карта, тетрадь, а вот «плюсик» уж больно мне пришёлся по вкусу. Я зажал его в ладошке в надежде, что дед его не заметит.

– Так, пострел, где крестик?

– Какой крестик? – я попытался изобразить удивление.

¹ Здесь и далее правописание отдельных слов намеренно искажено с целью придания лексической колоритности языку повествования.

– Какой? Такой! А ну покаж руки.

Я вытянул перед собой кулаки и разжал их.

– Не, ну я в молодости, точно! Марш в угол, заноза, и чтоб об увиденном никому ни слова. Ты понял меня, Сёмка?

– Понял, понял! – сказал я, а самого сверлило любопытство. Простояв в углу минут пять, решил идти на абордаж.

– Дед, если ты меня не выпустишь из угла и не расскажешь, что это такое и что значит «Адэский Жора. МАГЛАГ», я всё расскажу бате с мамкой!

– Ах ты ж, хлыщ кручёный! Прямо так и расскажешь? Ну а если это не моя тайна, а чужая, как мне тебе её можно рассказать? Лучше давай я расскажу тебе одну историю – интересней, чем эта тайна! – деда Жора попытался со мной поторговаться.

«Так, чужую тайну деда не расскажет, – да я бы тоже не рассказал, – тогда надо соглашаться на историю», – подумал я.

– Ладно, давай историю рассказывай.

– Э не! Расскажу, но не сегодня.

– Когда же?

– Вот завтра родители уедут в деревню, тогда и расскажу!

– А что, сейчас нельзя? Это тайная история, да?

– Да, Сёмка, очень тайная.

На следующий день не успели родители уйти за дверь, как я подступился к деду.

– Деда, давай рассказывай тайную историю!

Он хмыкнул, разгладил усы и начал рассказ.

Дед рассказывал, страшно вращая глазами, раздувал щёки, топорщил усы. Я же поначалу обратился весь во внимание, даже уши стали топорщиться. И тут я сообразил.

– Деда, да ты чего? Это же сказка! Где рассказ, который ты мне обещал? – подступил я к дедову горлу «с ножом». – Хочешь обмануть меня, да? Думаешь, я маленький, ничегошеньки не понимаю? Эх ты, деда... – слёзные нотки появились в моём голосе.

– Ну если ты взрослый, тогда ладно – я расскажу, а ты потом скажешь мне, что же ты понял из моего рассказа. И решим, можно ли кому-нибудь ещё поведать этот тайный рассказ или нет.

Я опять обернулся в одно большое ухо.

– Есть одна удивительная страна, зовётся она теперь Колыма. Там девять месяцев зима, а остальное – лето.

– Дед, ты опять?

– Да слушай – это правда. Это так далеко – на краю мира. Туда можно было попасть во времена моей молодости только на каком-нибудь ржавом корыте, которое считалось судном, либо на барже, толкаемой сухогрузом. Вот на такой барже-судне и попали туда люди, о которых я буду рассказывать.

– Деда, а самолёты? На них же быстрее!

– Самолёты для людей туда не летали. Ну вот. Набитые до отказа трюмы этих посудин разношёрстным живым грузом с Большой земли до места назначения добирались долго. Людей на палубу не выпускали, еды и пресной воды практически не было, из-за чего были раздоры и вспыхивали драки. Нужду справляли здесь же, где спали и ели. Грязь, вонь, инфекция и вши были тоже полноправными пассажирами. Люди мёрли, как травленные мухи. Мёртвых доставали из трюмов и выбрасывали в воду.

– Деда, а куда и зачем все эти люди ехали, почему они не взяли с собой еду и воду?

– Пункт назначения никто из них не знал, а вот зачем они едут – знали все. И ехали они не по своей воле, потому ни еды, ни воды у них не было. Да ты слушай дальше – сам поймёшь.

«Странные люди, – подумал я. – Как можно куда-то ехать, если ты не хочешь?»

– Много дней спустя посудина остановилась в бухте Нагаево. В то время о ней знали уже все, это означало Север – возврата нет. Или есть... если выживешь. Был май месяц, ещё плавали ледяные торосы в бухте, на берегу кое-где лежал снег. К посудине подходили деревянные рыболовецкие баркасы, туда грузили людей партиями и увозили на берег. Некоторые прыгали в ледяную воду в надежде убежать от надвигающегося ада, забывая, что бежать некуда – кругом ледяная вода и тайга, на много сотен километров ни одной живой души. Их никто даже не вылавливал. Они тонули в ледяном плену, некоторые умудрялись доплыть до берега. На берегу их выстраивали по три человека в шеренгу и вели в лагерь, – он находился в километре от бухты. Сопровождал процессию конвой с собаками.

Мои глаза-пуговицы увеличились раза в два.

– Деда, так эти люди были заключённые?

– Да, Сёмка, заключённые.

– А, ну тогда всё понятно!

– Что тебе понятно?

– Почему их так везли: они ж бандиты, чего их жалеть? Папка говорит – невиновных не садят в тюрьму!

– Много твой папка понимает... И тогда и теперь в лагерях сидят кучи неповинных. Или за малое, за что обычно тебя, Сенька, только порют, а их ссылали на смерть.

– Дед, ты чего, разве так бывает?

– Бывает. Дай Бог, чтобы это ни твоего дурного папки не коснулось, ни тебя. А уж про мамку твою и говорить неча.

– Так ведь не за что нас!

– Так-то оно так, внучек, да не так.

– Деда, я не понимаю, про что ты говоришь!

– Поймёшь, коль до конца дослушаешь. А если неинтересно, то и говорить не буду.

– Мне интересно, очень интересно – говори!

– То-то же! Ну так вот, среди этих каторжан и был Жора Адэский. За воротами вновь прибывших встретили, прям скажем, «гостеприимно», «радушно». Начальник лагеря выступил со своей давно уже изъезженной, выщербленной, но неизменно гадливо-смердящей тирадой деспота: «Вы человеческий мусор, и всех вас привезли на свалку. И здесь только я решаю, как и когда уничтожить хлам. Я здесь советская власть, бог, князь и царь. Всё, что было недобито в семнадцатом году, я добыю здесь. Блатари, воры, убийцы, рецидивисты. Вы, крысы, пережрёте друг друга сами». Хозяин лагеря, как потом оказалось, и сам был из числа сильно провинившихся, но, конечно, не так, как все: где-то когда-то «прокололся», вот его и сослали подальше с глаз. Последние слова начальника всколыхнули блатное сердце Жоры Адэского.

Дед, что значит «человеческий мусор»?

Это, Сёмка, значит вот что. Например, была у тебя хорошая, нужная, полезная игрушка. Ты подрос и отдал её другу младше себя, ну, чтоб и ему пользу приносила, чтоб ему жить интересней было, а он ею пользоваться не хочет и не умеет, поэтому сломал и выбросил в мусор.

А, понятно! Это вот как ты. Папка говорит, что с тебя толку нет, потому что ты уже старый. Это потому, что он не умеет тобой пользоваться и не понимает тебя. Так, да, деда?

– Да, внук, сравнение ещё то! Но понял правильно.

А вот что значит «блатное сердце», я знаю: это значит его в магазине по блату купить можно, ну, как мама свои колготки покупает.

У деда Жоры брызнули слёзы от смеха.

Ну, ты, Сёмка, и фруктоза. Дальше-то рассказывать, башковитый, или хватит?

Меня удивил смех деда, но задавать вопросы я не стал.

Как хватит? Не, давай до конца!

Ну и вот. Из толпы раздался голос Жоры: «А ты не обхиявишься, начальничек? Мы на крыс крысоловов имеем, подюбилей тебя будут», – из Жорки пёрла накипь. Хозяина разозлила и оскорбила такая наглость. Искать среди этой толпы обнаглевшего раздражителя бесполезно: никто не сдаст. «А это мы прямо сейчас и начнём проверять. Зобов, начинай», – при этом он пальнул из нагана в толпу заключённых. И без того не умолкающий лай собак стал остервенелым, они рвались с поводков. Зобов зачитывал списки, набиралась группа заключённых и тут же угонялась в один из двенадцати барачков. «Горчичный!» Жорка услышал свою фамилию и вышел из толпы, перебирая ногами, словно пытаюсь танцевать чечётку. «Эх, начальничек, дай папирочку, вишь, у меня штаны в полосочку!» – пропел Жорка. «Будет тебе сейчас папирочка», – «обхиявленный» Зобов обладал отличным слухом, поэтому сейчас, услышав голос Жорки, понял, что эта дерзость начальнику была его. Адэский поднапрягся, прищурил один глаз, нагло скривил губы: «А ты не пугай, не такими перцами пуганый!» – «В спецбарак этого!» Жорку отпнули в сторону и с остальными не увели.

Я знаю, что такое спецбарак: в таком барачке живёт мой друг Димка с бабушкой. А наша училка в школе говорит, что он сын врага народа, что их всех надо переселить в барачки в каком-то Магадане!

От услышанного у деда Жоры усы ощетинились и брови съехались в одну линию. Я от его реакции даже растерялся.

Нет, это не такой барак. В том барачке по большей части жили те, кто хотел выжить любым путём: предательством, выслуживанием перед администрацией лагеря, подставой – в общем, не брезговали ничем. Прожить хотя бы неделю там означало повесить себе на шею табличку «Я стукач». В мире, в котором жил и вращался Жора Адэский, это значит неизбежная смерть от своих же.

Как смерть? Разве можно за это убивать? Я же вот Петьку не убил за то, что он директору школы сдал меня, когда я математичке в портфель ужа подложил. Отец из-за него до-олго мне «показывал, где раки зимуют», – для подтверждения я сдёрнул штанцы с одной ягодицы. – Во, видал? – на полубулочке красовался синяк в ширину отцовского ремня.

Видал! – дед улыбался.

Ну во... а я потом Петьке «показал, где Макар гусей пасёт».

Представляю, как убедительно ты ему «показывал»! По тому же месту, где и тебе «показывали»!

Не, чуть выше. У него теперь два личных фонаря – никто не отберёт.

О, ты же за предательство Петьку отметелил? А эти барачки специально делали, держали там таких петек, а нормальных людей туда специально сажали – мол, если ты там сидел, значит, и ты такой же. Поди потом докажи, что мы с тобой не ежи.

Я призадумался. Дед Жора смотрел на меня, размышляя: «А не рановато я ему это рассказываю, он хоть и башковит не по годам, а всё ж таки малец. Хотя потом может быть поздно – надо сейчас, пока молодая и ясная голова, не забитая мусором. Пока понимает и воспринимает так, как надо, пока не воспитался в нём цинизм, надо засеять благодатную, чистую почву добрым семенем».

Да, гады они, гады. Ух! – я встрепенулса задиристым воробьём.

Кто? – не понял дед.

Петьки эти!

Это точно – не поспоришь.

Дед, давай дальше рассказывай.

А, ну да...

Жорку и ещё человек двадцать в барак загнали пинками, затравливая собаками. Видавший виды Жорка слегка затушеввался от увиденного. Барак в двадцать метров длиной и в пять

шириной с обеих сторон был уставлен двухэтажными нарами, сооружёнными из подручного деревянного хламья. Вместо матрацев на нарах валялись клоки свалывшейся соломы и ветки стланика. Вместо полов под ногами голая земля. Между досок в стенах были видны щели. Потолка нет: от стен шёл сразу свод крыши. Посреди барака стояла одна-единственная печь, смастерённая из железной бочки.

Народу в этих «хоромах» было набито столько, что свободно негде было вкрутить ногу. Старые жильцы стали двигаться на нарах, давая место новым. Постепенно все разместились, и Жорка остался стоять один в проходе. С боковых нар, прямо напротив печки, прыгнул мужичок и развязной походкой зашагал к Жорке.

– Так-так-так... И кто это у нас тут? Какого ты пристыл? Тебе что, наши апартаменты не по вкусу? Или встреча не та?

– Апартаменты, как в «Астории», а ты, я смотрю, шнырь коридорный? – Жорка Адэский сразу, сходу дал понять – мол, меня без хрена не проглотишь.

– Ты кого шнырём назвал, лось забуревший?! – взревел блатарь.

Назревала маленькая заварушка, у которой могли быть крупные последствия. В словесную перекуску вмешался третий, цыкнув на шныря.

– Засохни, Прыщ, не видишь, человек с дороги устал, а ты варезку разеваешь. Надо как следует встретить, шконку поближе к теплухе.

– Ща оформим, – Прыщ заюлил.

На таких же нарах напротив, на нижней полке ютились четыре человека вместо положенного одного. Это были учитель музыки, осуждённый за любовь к произведениям Баха; колхозник, спёрший мешок картошки у совхоза для своих голодных детей; интеллигентшишка, имевший неосторожность сказать что-то хорошее о царе и был услышан соседом по коммуналке; и ещё дворник, служивший при какой-то церквушке, обвинённый в антисоветской пропаганде. Прыщ подскочил к ним, вытянув обе руки, согнутые в локтях, растопырив скрюченные пальцы, как когти у кошки, и зашипел зловеще.

– А ну, черви, ша отсюда, человеку отдохнуть надо!

У измученных работой на стройке дороги, забитых, затравленных людей не было сил сопротивляться – и нары были освобождены. Открылось подобие дверей, впуская холод в и без того продуваемый всеми ветрами барак. Надзиратель с порога гаркнул:

– Шабанов, на выход!

Тот третий, который осадил Прыща, лениво встал и вразвалку пошёл к дверям.

– Куда это его? – поинтересовался Адэский.

– А кто же его знает – может, за пулей, а может, за медалью! – загоготал Прыщ.

Жорка огляделся по сторонам: заключённые лежали штабелями, не раздеваясь и не снимая обуви, несколько человек то там, то здесь сидели. Время от времени кто-то из них заходил в чахоточном кашле, иногда слышались слабые стоны. На соседних нарах дворник и музыкант перешёптывались.

– Вот, Иван Кузьмич, видите, до чего жизнь в безбожии доводит... Одни бесы и кровососы вокруг: если работой непосильной или голодом не заморят, то вот эти убьют.

– Тихо вы, Никита, тихо, а то и до утра не доживём.

– Эх, нам бы в третий барак попасть... Там, говорят, лучше и тише. У них в бараке в сидельцах батюшка православный есть.

– Да у вас что, горячка, Никита? Откуда здесь священник? Их же сюда никогда не ссылают.

– Теперь, видать, ссылают.

Жорка прислушивался к еле слышному шёпоту.

– Откуда вы это знаете?

– В женском бараке для лагерной обслуги, где прачечная, бабёнка православная в прачках ходит, мы с ней случайно столкнулись, так она и сказала.

– Ох, Никита!

– Да что вы всё охаете, Иван Кузьмич?

– Не говорите про это больше никому, а то быть беде, и вообще, ложитесь: вместе с солнцем опять на каменоломни погонят, – Кузьмич захлебнулся чахоточным кашлем. Никита встал, взял с печки чайник, налил в железную кружку жидкость, терпко пахнущую еловой хвоей.

– Вот, выпейте, Иван Кузьмич.

Иван Кузьмич отхлебнул несколько раз горячую жижу, и кашель понемногу стал утихать.

– Недолго мне, Никита, осталось, не доживу я до освобождения. Как умру, ты попроси этого священника за меня хоть молитовку прочитать... – немного помолчал и спросил: – А вы, Никита, Баха когда-нибудь слышали? Ведь это музыкант от Бога – невероятного таланта. Как он писал и как он звучит! Божественно. Вы, Никита, как вернётесь домой, съездите в Питер и сходите в театр послушать Баха – если, конечно, к тому времени успеет хоть один театр.

– Схожу, Иван Кузьмич, обязательно схожу, только сначала в церковь, свечку поставлю, а потом – в театр.

– Вы думаете, что это пролетарское отребье, которое уничтожило почти всё российское наследие, копившееся веками, не истребит все храмы под корень? Ведь сколько их было уничтожено за пять лет, с семнадцатого по двадцать третий год, и до сих пор ведь не успокаиваются. Священство по большей части в тюрьмах, лагерях и ссылках.

– Э не! Это-то им не по зубам, пока на земле есть хоть один православный и один священник – веру нашу не истребить. Это ж почти всю Россию-матушку пересажать и перестрелять надо.

Дверь в барак опять открылась, впуская свежий холодный воздух, – привели Шабанова. Собеседники тут же умолкли и улеглись. Что сейчас будет происходить, они уже знали.

– Ну что, корешок, шканарь у тебя есть, приняли тебя чинарём, пора и рамс развести, кто есть кто, – Шабанов приступил к раскатке пакостного дела.

– Ну а чего не развести: мне, порядочному вору, неча таить.

– Ну так и скажи народу за себя: кто, что, откуда.

– Сказать-то не внапряг. Да хотелось бы знать, перед кем.

– Да ты, как я посмотрю, зубат. Не многовато на себя тянешь, мил человек? Пупок не надорвёшь?

– Тяну-то я не так, а вот за мой пупок не тебе шкуроходить. Жора Адэский за себя говорить никогда не о...!

Пока всё шло как положено: это была не первая отсидка Адэского и порядок он знал.

– Ой, деда, это на каком языке они разговаривают – этот, как его, Шалбанов и Жорка, – я не специально искажил фамилию Шабанова.

– Это, Сёма, феня называется, на этом языке все отпетые бандюги разговаривают.

– А что это за язык такой, феня?

– Ну, я даже не знаю, как тебе объяснить – такой он мудрёный! – дед почесал затылок.

– Ага, точно мудрёный, но так интересно! Можно, я тоже буду на таком языке разговаривать?

– Нет, нельзя. Потом объясню, почему нельзя. И давай договоримся: все вопросы – когда закончу рассказ, а то так и за месяц не расскажу.

Я, конечно, согласился, потому что было очень любопытно, а что же будет дальше, чем дело кончится, про себя решив, что всё запомню непонятное и в конце обо всём деда расспрошу. Деда Жора немного помолчал и продолжил.

– Ну-ка, ну-ка! Так ты тот самый Жора Адэский, который взял большой ювелирный, сберкассу и инкассацию с портовой зарплатой в Одессе? – Шабанов спрашивал, уже зная, кто перед ним.

– Если мне память не изменяет, то это так! – Жорка приосанился.

– Так с этого и надо было начинать. Подгребай сюда, чифирнём. Шнырь, замути.

Шнырь метнулся куда-то в угол, потом к печке, ещё несколько реверансов – и горячий чифирь стоял на столе.

– Ну а я Чика. Это Шнырь, это Грек, это Шыпа, это Жмых, – Шабанов по очереди кивал головой в сторону то одного, то другого.

– Негусто!

– Это костяк, остальные – шестёрки. Ну что, Жора, не хочешь спросить, на каком курорте оказался?

– Та вижу, что не в царских апартаментах.

– Это да, здесь даже не Соловки. Но жить можно, если дружить с нужными людьми, немного им пособлять – и у тебя, Жора, всегда будет чифирь, жарка и не очень пыльная работа.

Чика перешёл к главным действиям; вызов из барака и поход в администрацию лагеря, распоряжения хозяина – всё сводилось к одному: заставить работать на хозяина лагеря, то есть доносить на всех и вся, если нет – ломать. Как это делается, Чика знал: Жора был уже не первый.

– Чёй-то я не понял, а давай с этого места поподробней, – Адэский почуял подвох.

– А чё ты не понял? Хозяин на лагере мужик не самый паскудный, с пониманием к нашему брату. Не, ну конечно, за понимание платить надо. Политической швали здесь полно. Родину любить надо, а они ж её не любят. Так если ты там чё услышал аль увидел – поделись с хозяином, и усё в ажуре! И ты весь в монпансье, – Чика заржал.

– Да ты чё, бычара, хочешь, чтоб честный вор ссучился до доносов? Охренел?!

– Ой, ну зачем так грубо, Жора?

– Так это сучья хата, и ты старший сучёныш! – Жорка вскочил и вылил остатки чифирия на голову Чики.

– Ты чё, пенёк обмыленный, с кем так базаришь?! – перед Жорой возник Шнырь с заточкой. Жорка ловко подхватил табурет, стоявший рядом, и опустил его на Шныря. Грек, Шыпа и Жмых принялись молотить Жорку со всех сторон. Барак проснулся, но на защиту Жоры никто не встал: нельзя, а то наутро найдут заколотым.

Удар Жмыха был сокрушителен, и Жорка вырубился. На поднявшийся шум прибежала охрана. Посреди барака валялся Жорка с заточкой в руке и Шнырь. Из-под Шныря вытекала лужица крови.

В бараке воцарилась тишина. Жорка стал приходить в себя, охранники подняли его, забрав заточку, явился старший охраны.

– Ну что, голубок, допрыгался? – ехидно кривился старший охраны, глядя на Жорку. С нижних нар раздался голос Ивана Кузьмича.

– Не он это, гражданин начальник, Шныря заколол, не он, а вот тот бугай – я видел.

Иван Кузьмич поднялся и вышел в проход. Жорка глянул на больного, тщедушного, уже почти старика.

– Не пиликай, Музыкант, все одно форта от этого нет, – сказал Жорка, и что-то в глазах у него мелькнуло.

– Да, гражданин начальник, не Жорка это, вот те крест, – в проход вышел Никита. Жорка от удивления разинул рот.

– Да вы все тут припудренные, – подытожил Жорка.

– А ну ша! – заверещал охранник, и Жорку увели.

Его путешествие было недолгим, в итоге он оказался в рубленом, добротном доме из кругляка. Его завели в одну из душно натопленных комнат, пахло жареным салом и водкой. За столом сидел уже знакомый начальник лагеря – хозяин, он уже принял изрядную порцию на грудь.

– А, ты? Ну заходи. Садись, – пнул табурет ногой хозяин.

– Так ведь вроде я уже и так сижу, – съехидничал Жорка.

– А ты умный, как я погляжу. Коль так, садись и слушай.

Жорка присел. Хозяин налил пол гранёного стакана водки и подвинул Жорке.

– Махни.

– Непьющий я.

– Гляди-кась ты, непьющий. Тогда слушай на сухую, – и хозяин начал говорить. Говорил много, уговаривая Адэского сотрудничать, но Жорка только улыбался.

– Начальник, не по адресу на гниль давишь. Я сукой не был и не буду.

Хозяин взбесился, стал угрожать, обещая «жопой на снег», затравить собаками, иголки под ногти, «комаринник в тайге», сгноить на лесоповале, замучить в каменоломне, «закатать в колымскую трассу». Вдруг в нём что-то щёлкнуло. Он залпом махнул Жоркины полстакана.

– Да ты, эх! – махнул он рукой, рухнул на табурет и уронил голову на подставленный кулак. Правду говорят, хочешь знать истинное лицо своего зятя – напои его. Так и получилось у Жорки с начлагеря. Хозяина прорвало.

– Ну, чего вылупился?! Ты думаешь, что только ты порядочный? Шиш! – он скрутил фигу из пальцев и сунул Жорке под нос. – Думаешь, что я сука, зверь нестреляный? Да мне самому всё это противно. Ведь здесь половина народа зря сидит. За что? За мешок картошки – потому что сосед сука, за моток ниток, спёртый с фабрики, за то, что его дед был дворянин. Или за то, что дура-баба крестится на икону и вреда от этого никому, а её – хоть убей, но она всё равно своё: «Господи, помилуй!» – и крестится. А у кого, я спрашиваю, у кого от этого шкура слезла? Вот ни у кого. Так за что её сюда? Не за что! А вот ты у государства воруеть. Вот тебя правильно.

– Так ведь это всё государство у этой вот бабы и спёрло, – хмыкнул Жорка. – Ну и в чём атас, если я у большого вора кроху щипнул. Разгильдяи: ворованное лучше охранять надо. Так что и меня не за что. А бабу эту – да, не за что.

– Вот и я говорю. Я к дуре к этой и так и сяк: и работу ей в прачке, и жрачку, как обслуге, а она всё в барак прёт, сама не жрёт, говорит – не по-христиански. К себе не допускает, жалеет меня, понимаешь, меня – не себя: нельзя, мол, говорит, грех это. Всю душеньку мне измотала.

– Ну, начальник, на богомолке, смотрю, ты и погорел. Эвон, как она тебя скрутила. Так ведь ты же её без уговоров взять можешь: сучка – она в любой шкуре сучка.

Хозяин подскочил к Жорке, схватил его за грудки, брызгая пеной изо рта, стал трясти его что есть сил.

– Но ты, шваль, не тронь её, даже словом не тронь! Задавлю, как мышь рудую.

– Понял, начальник, понял, – Жорка слегка пристыл.

Вдруг в хозяине опять что-то щёлкнуло, даже голос изменился:

– Короче, сотрудничать будешь, или яйца морозить будем?

Жорка молчал, размышляя.

– Ладно, начальник, но у меня условия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.